Гузель Н. Юсупова

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-5972-6864

Карина А. Озерова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия
ORCID: 0000-0002-3131-2942

Культурные этнические инициативы и (де)политизация этничности в России

doi: 10.22394/2074-0492-2021-2-147-167

Резюме:
В статье рассматривается феномен политизации этничности национальных меньшинств в авторитарном контексте. Опираясь на теорию сложности в исследованиях национализма, авторы показывают, как деятельность этнических антрепренеров влияет на этнизацию повседневности, что, в свою очередь, побуждает обычных людей к рефлексии о вопросах этнической идентичности и культурной политики. Вместе с тем репрессивный контекст авторитарного государства и, в частности, размытое законодательство об экстремизме и сепаратизме не позволяет этническим антрепренерам выдвигать открытые требования по смене национальной политики и политики федерализма, поэтому политические претензии все чаще находят выход в низовой активности на повседневном уровне. Это ведет к возникновению и развитию самых различных культурных инициатив и как следствие к каскадному росту числа людей, заинтересованных в этнизации социальной среды. На материале ряда исследований авторы показывают, как этнизация повседневности ведет к повышению роли этнической идентичности обычных людей, что стимулирует среди прочего политическую рефлексию. Таким образом, репрессивный контекст лишь усиливает политизацию этнических меньшинств.

Ключевые слова: политизация этничности, этнические меньшинства, теория сложности, авторитаризм

Юсупова Гузель Нурулловна — доцент кафедры Политических исследований СЗИУ РАНХиГС. Научные интересы: социология этничности и национализма, неравенство, авторитаризм, политика памяти. E-mail: gyusupova@eu.spb.ru
Озерова Карина Адгамовна — преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета. Научные интересы: этническая идентичность, региональная идентичность, социальная память. E-mail: kaozerova@gmail.com

Guzel N. Yusupova[1]

Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

Karina A. Ozerova[2]

Kazan (Volga Region) Federal University, Russia

Cultural Ethnic Initiatives and the (De)Politicization of Ethnicity in Russia

Abstract:
The article examines the contemporary politicization of ethnicity among ethnic minorities in authoritarian settings. The research background of this paper are the changing language policies in Russia, which abolish the obligatory teaching of indigenous minority languages in local schools. Drawing on complexity theory in nationalism studies, the authors show how the activity of cultural entrepreneurs results in the ethnicization of mundane practices and everyday life; these, in turn, affect ordinary people's reflections on the issues of ethnic identity — and cultural and identity politics more generally. At the same time, the repressive context of an authoritarian state does not allow ethnopolitical entrepreneurs to make open demands regarding changes in ethnic politics or concerning the peculiarities of the Russian federative system. As a consequence, the political claims of ethnic groups make themselves heard through grassroots activities at the everyday level. This precipitates the rise of various bottom-up cultural initiatives, which leads to a growing number of people being interested in the ethnicization of their social environment and the subsequent politicization of their minds. The authors argue that — despite the initial goal of the repressive environment to suppress political activities of ethnic minorities — it only intensifies their politicization.

Keywords: politicisation of ethnicity, ethnic minorities, complexity theory, authoritarianism

Введение/контекст

Оставляя в стороне споры, насколько вредна или безвредна современная этноцентричная стратегия национального строительства в России [Laruelle 2016; Kolsto 2016; Паин 2012] и началась ли она до или после Путина [Goode 2019], необходимо рассмотреть ее влияние на российское общество. Для это необходимо понять,

1 Guzel N. Yusupova — Lecturer (Assistant Professor) at North-West Institute, RANEPA. Research interests: sociology of nationalism and ethnicity, authoritarianism, inequality, memory politics. E-mail: gyusupova@eu.spb.ru

2 Karina A. Ozerova — Lecturer at Kazan (Volga Region) Federal University. Research interests: ethnic identity, regional identity, memory studies. E-mail: kaozerova@gmail.com

как все более этнически окрашенная русскоцентричная форма официального национализма меняет представление людей о том, что такое Россия сегодня, и как эта форма национализма влияет на повседневность национальных меньшинств.

Происходящая в последние годы социальная и политическая мобилизация вокруг проблем местных языков, локальной и государственной политики памяти, а также территориальных границ в национальных республиках России показала неугасающую важность этнической идентификации для разных групп меньшинств. Вместе с тем отсутствие ясного зонтичного национального проекта обуславливает разночтения в понимании нации у российских граждан, живущих в различных регионах. Вероятно, проблемы, вытекающие из этих разночтений, будут только углубляться, и этническая политика снова станет важной сферой переговоров с центральной властью для многих этнических регионов Российской Федерации.

Наша уверенность в подобном развитии событий связана с тем, что этничность сегодня с каждым днем все более политизируется как в глобальном, так и российском контекстах: культурная политика и политика идентичности все чаще становятся двигателем социальных трансформаций во всем мире. В России же этничность политизируется и сверху, и снизу: в то время как русская культура и русский язык продвигаются сверху вниз через законодательство, символическую политику и другие практики национального строительства [Myhre 2017; Zamyatin 2016], российские этнические меньшинства (вос)производят этнизацию повседневности снизу вверх, неизбежно приводя к политизации этой самой повседневности при столкновении с ограничительными мерами, связанными с противоречивым российским законодательством и централизацией власти. Принятые недавно поправки к Конституции России, подчеркивающие особую роль русского языка и русских как «государствообразующего народа», — один из наиболее очевидных примеров политизации этничности сверху [Конституция 1993, ст. 68, п.1]. Политизация же этничности среди национальных меньшинств на официальном уровне сегодня практически невозможна в связи с риском наступления уголовной ответственности за призывы к сепаратизму и экстремизму и расплывчатостью законодательства, и потому выражается в культурных практиках и приспособлении к официальной политике через развитие низовых движений, направленных на сохранение и популяризацию этнических культур.

Иерархии смыслов в дебатах о нации

Принципиальная амбивалентность дебатов о национальном строительстве в России заключается в смешении двух дихотомичных

подходов к пониманию, как формируется национальная идентичность. Первая дихотомия связана с вопросом, является ли Россия классическим национальным государством, основанным на русской культуре, или многонациональным государством, где культуры политически равнозначны. Важно понимать, что это не дискуссия о гражданском vs этническом понимании нации или эксклюзивном vs инклюзивном гражданстве (так как вопрос об иммигрантах в этих дебатах не затрагивается), а о том, формируется ли нация (именно культурно) одной или многими этническими группами[1]. Вторая дихотомия касается того, является ли Россия федеративным государством только на бумаге или (этно) федерацией на практике. Здесь важно учесть, что резиденты этнических республик гораздо чаще наблюдают в повседневности присутствие федеральной и этнической символик и более осведомлены об этнической стратификации как на уровне регионов, так и на индивидуальном уровне, чем те, кто живет в этнически немаркированных регионах, где, как правило, не наблюдается этнизация пространства, отсутствует опыт, который приобрели национализирующиеся республики 1990-х, а социальная стратификация не пересекается с этнической.

Таким образом, для федеральных властей, региональных властей и различных групп элит, а также обычных граждан подход к определению основ нации будет разным, и важность той или иной дихотомии в дебатах о нации также разнится. Для тех, кому важна культурная гомогенизация общества и продвижение русской культуры, актуальнее всего первая дихотомия. Образ России как национального государства, основанного на русской культуре, востребован для легитимации нынешней власти, как видно из многочисленных стратегий, направленных на укрепление «духовных скреп», и представлении русских культурных ориентиров как центральных. Для тех же, кто выигрывает или проигрывает от перераспределения различных ресурсов между федеральным центром и этническими регионами, вторая дихотомия — вопрос о том, является ли современная Россия этнофедерацией, — более важна.

Два подхода к пониманию современной России — классическое этнонациональное государство vs этно-федерация — обычно упорядочены иерархически в том смысле, что и противники, и сторонники современной политики национального строительства основывают свою аргументацию на приоритете той или иной дихотомии.

1 Заметим, что само по себе противопоставление гражданского и этнического (т.е. основанного на культуре) понимания нации не продуктивно даже на уровне теории, не говоря уже о практике [Brubaker 2004].

Например, на вопрос, «Могут ли татары заставлять русских изучать татарский язык в Татарстане?», можно ответить отрицательно, исходя из того, что Россия — это классическое национальное государство, основанное на культуре и ценностях государствообразующей русской этнической группы, где права меньшинств должны реализоваться в рамках культурных, а не территориальных автономий или на индивидуальном уровне. Напротив, ответ может быть утвердительным, исходя из того, что Россия — этнофедерация, в которой этнические республики имеют права, позволяющие накладывать на своих жителей элементы особой территориальной идентичности, обычно совпадающей с культурной идентичностью коренных народов. Выбор между дихотомиями схож с классическим спором о курице и яйце: обе стороны обсуждают два тесно связанных вопроса со взаимоисключающими ответами, но на самом деле это различающиеся по существу вопросы.

Почему эти вопросы носят разный, взаимоисключающий характер? Иными словами, почему нельзя объединить две дихотомии и отождествить, с одной стороны, Россию с идеей классического национального государства с унитарным, а не федеративным устройством, а с другой — Россию с идеей многонациональной нации с этнофедеративным устройством? Ответ кроется в страхе этнических конфликтов.

Для федеральной элиты небезопасно отождествлять государство с одной этнической группой, так как культурные и языковые различия внутри населения, принадлежащего к разным этническим группам, довольно значительны. Власти регулярно повторяют, что навязанный русский национализм разрушит многонациональную гармонию внутри страны. И наоборот, для региональных элит небезопасно отождествлять свой регион с местной титульной нацией, поскольку в России существует лишь несколько однородных этнических регионов (Тыва, Ингушетия и Чечня), в то время как в большинстве случаев титульная группа является этническим меньшинством, как, например, в Хакасии (12%), Карелии (7%) и Коми (24%), или практически равна по численности этническим русским и другим группам (Татарстан, Якутия и др.). В этой ситуации культурные требования, например обязательного изучения местных языков в школах, могут представляться угрозой для нетитульных групп внутри этнических регионов, и они скорее будут поддерживать политику центра [Hagendoorn et al. 2008]. Поэтому две дихотомии представляются взаимоисключающими. Однакокакая из этих дихотомий важнее, а какая более второстепенная, и является камнем преткновения. Этническая культура, именно культурные права — их место, иерархия по отношению к другим правам и способ реализации — основной вопрос в любой из этих дихотомий.

Логика торга вчера и сегодня

В 1990-е годы политически сильные этнические регионы использовали националистические движения, чтобы шантажировать федеральный центр потенциальным отделением и получать «больше суверенитета». Однако с приходом Путина к власти и регионы, и этнические меньшинства стали гораздо слабее с точки зрения законодательной власти. Как отметил Питер Ратланд [Rutland 2010], Путин изменил государственные институты, чтобы ограничить любую возможность использования этнического фактора для ослабления политической власти федерального центра. Тем не менее это не означает, что Кремль теперь может безопасно и открыто продвигать свою повестку национального строительства и культурную гомогенизацию [Kolsto 2016]. Скорее, режим продвигает новую ассимиляционную политику путем очень постепенных изменений, на каждом шагу проверяя реакцию этнических меньшинств. До недавнего времени этнические регионы негласно принимали такую политику, и региональные власти по-разному приспосабливались к этим небольшим изменениям, надеясь извлечь выгоду из своего молчания.

В поправках к Российской Конституции, принятых в 2020 году, подчеркивается значение русской культуры и языка как «государствообразующих». Это значимая часть стратегии сегодняшней легитимации власти через обращение к патриотизму, наделенному этнокультурным содержанием. Население неэтнических регионов и русские в этнических регионах воспринимают такую политику как разумную и нормальную для национального государства. В то же время взрослое титульное население этнических регионов пережило постепенную трансформацию от статуса титульных меньшинств с привилегированными правами на своей территории к титульным этническим меньшинствам без значимых культурных прав, причем без какой-либо артикуляции этих изменений со стороны власти и по большей части без публичных дебатов.

Возникает справедливый вопрос: почему элиты, представляющие эти группы, ранее имевшие некоторые привилегии, не выступили против молчаливого упразднения этнофедеративной системы и пассивно поддержали позицию Москвы? На этот вопрос представлены довольно обширные ответы: от недостатка консолидации регионов между собой и преимущественно «защищающейся» природы автономий, которая в итоге привела к усилению центра [Bahry 2005], до идеологического сдвига в национальном политическом дискурсе, который существенно повлиял на структуру возможностей для региональных элит [Sharafutdinova 2013], или через стратегии внутренней мимикрии регионов под федеральный центр, копирующие централизацию власти в условиях постоянно меняющихся законо-

дательных, культурных и институциональных границ [Goode 2011]. Народное голосование в этнических республиках также показывает наиболее высокую поддержку федеральных властей по сравнению с другими регионами. Значит ли это, что чеченцы и татары поддерживают политику Путина даже больше, чем этнические русские, составляющие большинство в неэтнических регионах?

Исследователи полагают, что высокие показатели поддержки власти помогают некоторым регионам получать дополнительные ресурсы федерального центра, а обеспечить подобные показатели проще там, где установились локальные автократические режимы, что не всегда, но часто наблюдается именно в этнических республиках (исключение, например, Республика Саха-Якутия). На наш взгляд, такое объяснение восходит к неформальной, но уже институционализированной логике торга между федеральным центром и регионами, заложенной в 1990-х годах, когда националистические движения служили разменной монетой в борьбе за бóльшую автономию. Логика выгодной сделки с федеральным центром все еще актуальна для некоторых этнических республик (примером служит феномен «кадыровщины» [Gerber, Zavisca 2017], который подтвердился и в нашей полевой работе в Татарстане). Однако сегодня предметом торга служат не только национальные движения, но и весь региональный электорат. Станут ли региональные власти разыгрывать националистическую карту, если условия торга больше не будут выполняться? Это во многом зависит от того, насколько этничность реально политизирована в российском обществе.

Важно отметить, что упомянутая выше амбивалентность подхода к национальному строительству в России приводит к тому, что чаще всего этнические русские искренне уверены, что живут в национальном государстве, где естественно доминирование русской этнической культуры. В то же время этнические меньшинства в республиках видят себя живущими в этнофедеральной системе, которая побуждает их претендовать на особые права на своей территории. Может показаться, что эти два убеждения не противоречат друг другу, поскольку они затрагивают разные дихотомии, рассмотренные выше, но это не так. Их взаимоисключающая интерпретация способна усугубить внутренние разногласия, и сама по себе рефлексия на эти темы уже политизирует этническую идентичность. В следующем разделе статьи мы подробнее разберемся с тем, как именно появляется эта рефлексия и политизируется этничность в повседневном контексте.

Политизация этничности снизу вверх: новизна подхода

В последние годы подъем региональных движений и национализма этнических меньшинств активно изучается в рамках различных под-

ходов. Однако специфика упомянутых движений в условиях нелиберального режима все еще далека от ясности. Современная Российская Федерация — ценное поле для изучения таких движений, так как, с одной стороны, здесь есть субнациональные регионы с титульными этническими меньшинствами, а с другой — призывы к сепаратизму в контексте репрессивного и в то же время расплывчатого законодательства криминализированы. В данной статье предлагается новый подход к исследованию национализма меньшинств как низовой контркультуры, которая существует в условиях политических ограничений национализирующихся авторитарных государств. Мы ставим перед собой цель заполнить некоторые пробелы в исследованиях национализма, с одной стороны, и исследованиях России — с другой.

Первый пробел касается культурного национализма в более широкой повестке современных исследований национализма [Hutchinson 2013]. Реакция локальных сообществ на глобализацию [Giddens 1990; Smith 2010: 50; Sabanadze 2010 и др.], влияние цифровых технологий на возрождение языков меньшинств [Cormack 2007; Jones, Uribe-Jongbloed 2013; Budka 2016] и рост правого национализма во всем мире [Swank, Betz 2003; Knuckey, Kim 2015] актуализировали вопросы культурной политики в изучении национальных государств, национализирующихся стран и сепаратистских движений. Однако культурный национализм меньшинств в нелиберальных режимах, где высказывание открытых националистических требований попросту опасно, остается недостаточно изученным. Для этого необходим особый подход к изучению феномена культурного национализма меньшинств в нелиберальных условиях. Ключевой тезис данной работы состоит в том, что национализм меньшинств в нелиберальных условиях может быть выявлен как повседневный культурный национализм путем анализа низовых процессов культурной ревитализации, а не открытых националистических или даже культурных требований.

Второй пробел касается исследований наследия советского этнофедерализма [Brubaker 1996; Bunce 1999; Roeder 1991 и др.], в которых основное внимание уделяется постсоветским национализирующимся государствам, но игнорируются этнические республики в составе бывшей РСФСР (ныне Российская Федерация). Хотя существуют исследования субнациональных политических процессов в России, которые фокусируются на мобилизации в этнических республиках до Владимира Путина [Gorenburg 2003; Giuliano 2011; Lankina 2004; Treisman 1997] и о путинском процессе централизации [Goode 2011; Sharafutdinova 2013; Moses 2010], мы все еще мало знаем о национализме этнических меньшинств в путинской Российской Федерации [Сокирянская, Ходжаева, Соколов 2019]. Исключение составляют работы Элиз Джулиано и Дмитрия Горенбурга [2012], которые рассматривали этническую политику в России

до 2011 года, а также статья Питера Ратленда [2010] об интернационализации национальной политики в России. Джулиано и Горенбург утверждают, что этнический фактор не будет играть важной роли в российской политике из-за трех основных факторов: перехода России к рыночной экономике, перехода власти на региональном уровне от законодательной к исполнительной и из-за войны с Чечней, которая показала и доказала опасность националистических требований. Однако Юсупова [Yusupova 2018] утверждает, что этническая принадлежность вновь становится важной для людей именно благодаря переходу России к рыночной экономике, успешному пути Чечни к расширенной автономии, а также как способ установления горизонтальных связей в условиях атономизации общества.

Третий пробел касается роли этнической коммодификации для политической мобилизации, которая становится решающей в нелиберальном контексте. Хотя некоторые исследования объясняют, как экономические инициативы или способы распределения ресурсов могут стать этническими [Billig 1995; Comaroff, Comaroff 2009; Edensor 2002; Xie 2010], в этих работах основное внимание уделяется доминирующим этническим группам и едва ли рассматриваются способы, которыми экономические силы формируют воспроизводство культуры этнических меньшинств на повседневном уровне.

В данной статье мы рассмотрим, как культурный национализм, разворачивающийся на повседневном уровне, влияет на усиление этнической самоидентификации простых людей и политизации этничности на индивидуальном уровне.

Политизация этничности: теоретическая рамка

Недавно исследователи национализма вновь стали уделять внимание культуре, что связано с ростом этнических национализмов в современном мире и общим культурным поворотом в политике в социальных науках [Berezin et al. 2020]. Именно культура стала основным ресурсом для конструирования современной российской нации и, как мы покажем далее, для конструирования альтернативной идентификации этнических меньшинств. Чтобы понять процесс политизации этнической самоидентификации меньшинств в исторически многонациональной и недавно этнофедеративной, но в настоящее время национализирующейся (на основе русской культуры) и де-факто унитарной России, нам нужны два взаимодополняющих теоретических подхода: конструктивистский подход к определению национализма и теория сложности.

Теория культурного национализма принимает идею Хроха [1985], согласно которой культурный национализм возникает в начале

национализирующих проектов, когда интерес к фольклору задает стартовую точку для становления нации. Однако Джон Хатчинсон [Hutchinson 2013] и Барт Баниковский [Bonikowski 2016] недавно отметили, что культура может возвращаться в повестку дня давно сложившихся национальных государств как ресурс для националистических требований со стороны обычных людей. Мы анализируем интервью как с интеллектуалами, которые производят идеи национализма и изобретают или заново открывают этнические символы и практики, так и с предпринимателями, которые используют этнические символы и национализирующие дискурсы для продвижения своих продуктов и услуг на рынке в качестве этнополитических антрепренеров. Мы покажем, как эти практики влияют на обычных людей, которые не имеют сильную этническую идентификацию, однако относят себя к этническим меньшинствам.

Наш подход основан на теории сложности, которая пришла в социальные науки из естественных наук. Наиболее известный пример ее применения — анализ формирования полета стаи птиц. Согласно теории сложности, незначительные непреднамеренные шаги по мере их накопления могут вести к значительным переменам в системе. Изменение системы при этом происходит каскадным образом, подобно смене лингвистического репертуара в национализирующейся провинции, о чем писал Дэвид Лейтин [Laitin 2007], иллюстрируя свою теорию равновесной культуры. Как отмечает Эрик Кауфманн [2016: 7] в статье о теории сложности в исследованиях национализма, «национальная идентичность подобна лесу, [состоящему из отдельно стоящих деревьев], и возникает, скорее, из взаимных потоков и обратных связей обычных людей, чем посредством государственного регулирования, особенно в наш постиндустриальный демократический век». Основными понятиями теории сложности становятся «возникновение», «петли обратной связи», «переломные моменты» и «распределенная информация». Возникновение — это начало какого-то феномена, который пока состоит из небольшого числа участников. Петли обратной связи — это реакция на стимул окружающей среды, например новый закон или неожиданное значимое событие (например, погромы). Переломные моменты (tipping points) возникают, когда одни повседневные практики вытесняются другими. Понятие «распределенной информации» подразумевает, что одно и то же явление представляется разными людьми по-разному, что приводит к феномену «многоголосья». Люди могут рассматривать «этническое» с локальной, гендерной или классовой перспектив, однако «многоголосье» точек зрения соотносится с понятием «этнической идентичности», которое «оркеструет» национализмом снизу [Kaufmann 2016: 13-16].

Фокусируясь на повседневных практиках обычных людей, теория сложности в исследованиях национализма объясняет, как национальные движения могут возникать из различных типов аполитичных ассоциаций, общения в социальных сетях и проведения досуга. Здесь ей помогает повседневный национализм, т.е. подход, который уделяет особое внимание повседневным практикам мышления, говорения и действия людей через идеи о нации [Brubaker et al. 2006; Fox, Miller-Idriss 2008; Goode, Stroup 2015]. Согласно теории сложности, микросоциальные практики, такие как потребление этнических продуктов, говорение на региональных языках и прослушивание этнической музыки, служат основой для возникновения национальной идентичности с политическим сознанием. Эта интуиция поддерживается Бартом Бониковским [2016: 435], чья работа о разнообразии значений, придаваемых нации, полезна для освещения связи между повседневным национализмом и политикой. Следуя этой логике, культурный национализм в нелиберальном контексте исторически мультикультурного общества может в итоге привести к изменениям в повседневном национализме: создаваемую культурными элитами этническую музыку слушают, этнические фильмы смотрят, книги на местных языках читают и этнические продукты потребляют обычные люди.

Общественная среда, созданная культурными элитами, часто альтернативна государственному российскому патриотизму, таким образом политизируя повседневную этничность [Yusupova 2018]. Мы развиваем эту мысль, фокусируясь на практиках языковой ревитализации в Татарстане после 2017 года, когда сменилась языковая политика федерального центра по отношению к государственным языкам национальных республик, сделав их преподавание в школах необязательным. Наш основной аргумент состоит в том, что эта смена политики дала толчок к росту низовых инициатив по возрождению интереса к татарскому языку, что в свою очередь повлияло на смену языковых идеологий обычных людей, изначально незаинтересованных в активном этническом самовыражении. Таким образом, мы фокусируемся не на отдельных четко обозначенных этнических группах, а, скорее, на социальном пространстве, в котором происходит взаимодействие акторов, и том, как это пространство политизируется [Малахов 2020].

Нелиберальный контекст

Специфические черты российского контекста сказались на наличии достоверных данных о национализме меньшинств, ограничив как сами исследования, так и актуальную научную литературу по этому

вопросу [Yusupova 2019]. Однако исчезновение политического и социального дискурсов о некоторых категориях этнической идентификации и категоризации не привело к ее автоматическому испарению из жизни обычных людей. Сильная националистическая политика 1990-х годов в некоторых этнических регионах Российской Федерации, особенно в Якутии, Северной Осетии, Чечне, Татарстане, Башкортостане и Удмуртии, создала возможности социализации, что привело к появлению поколения этнически ориентированной молодежи, которые в 2010-е перешли в категорию людей среднего возраста. Сейчас они стремятся создавать контркультурные сообщества, которые противостояли бы тенденциям ассимиляции.

Важно отметить, что татарская культурная элита воспринимала национальную политику федеральных властей как ассимиляционную еще до отмены обязательного преподавания местных языков в школах, которая произошла в 2017 году.

> *Мы живем в России, в составе Российской Федерации, каких-либо положительных эмоций у меня не вызывает, ха-ха. Я вижу, что в России нарушаются национальные права многих народов, право на образование, на обучение на родном языке, право на получение информации на родном языке и так далее, проводятся, скажем, негативные процессы в отношении многих, ассимиляционные процессы в отношении многих народов. Отсутствует поддержка развития многих народов, поэтому из-за этого фактора у меня не очень позитивное отношение к этому государству, но несмотря на это, Россия остается моим государством, то есть я гражданин этого государства, от этого никуда не деться... Я бы гордился этой страной, я бы хотел ею гордиться на самом деле, если бы она уважала права моего народа, права других народов, давала бы право на образование... я бы хотел ее уважать, я надеюсь, что это так будет когда-нибудь в будущем. Я надеюсь, что Россия станет демократическим государством, я надеюсь, что в России будут широкие гражданские права. К сожалению, на сегодняшний день я такого не вижу* [Айнур, 30 лет, дата интервью 25 июня 2016 г.].

Из этого отрывка интервью видно, что для информанта идея России как этнофедерации является наиболее важной в иерархии смыслов, связываясь с демократизацией внутренней политики, децентрализацией власти, а культурные права видятся коллективными. Последующее снижение статуса местных официальных языков в национальных республиках лишь усилило расхожую оценку образовательной политики Кремля как ассимиляционной, вызвав конфликтную ситуацию [Арутюнова 2019]. Этот конфликт так и не вылился в широкое протестное движение, но послужил стимулом для серии «петель обратной связи», ставших мощным стимулом для распространения и воспроизводства этничности в повседневных практиках [Yusupova 2021a].

Культурная элита, проходившая первичную социализацию в 1990-е годы, сегодня создает новую символику и набор культур-

ных и повседневных практик, а также использует для этого различные типы новых средств массовой информации и общественные инициативы [Yusupova 2018]. Однако этот активизм ограничен, как правило, лишь сферой культуры. Например, представитель инициативной группы одного информационно-просветительского проекта в социальных сетях (нацеленного на развитие политической грамотности у населения Татарстана) и волонтер официальной татарской молодежной организации, рассказывая о своей деятельности в 2016 году, отмечал рост интереса молодежи ко всему татарскому.

> *У нас даже такой девиз «Татарское актуализируем, актуальное татаризируем»... Я курирую образовательный проект «Акыл Фабрикасы» на татарском языке про актуальные форматы для татарской молодежи. Например, про воспитание и развитие детей мы проводили площадку про историю и туризм, потом с этим ездили в регионы [где компактно проживают татары]. У молодежи есть огромный интерес к получению новых знаний в актуальном формате на татарском языке* [Ильдар, 28 лет, дата интервью 20 июня 2016 г.].

При этом, будучи вовлеченным как в культурные, так и политические проекты в 2016 году, он отмечал в том же интервью, какие сложности репрессивное законодательство налагает на общественно-политическую деятельность. Стоит отметить, что с тех пор упомянутый выше информационно-просветительский проект повышения политической грамотности был вынужденно закрыт из-за давления служб безопасности, хотя никаких прямых обвинений участникам предъявлено не было[1].

> *Так, скажем, наш дискурс близок для четверти населения республики, мы так думаем... Мы касаемся политической повестки дня, причем хотелось бы больше заниматься политикой... но существует маргинализация общедемократической, европейской повестки. Движение к объявлению всех, кто не согласен с официальной точкой зрения, пятой колонной, иностранный агент и так далее* [То же интервью].

Зафиксируем некий парадокс: именно из-за репрессивного контекста, в котором любое продвижение культуры субнациональных этнических меньшинств может рассматриваться правоохранительными органами как уголовно наказуемая противоправная деятельность, нацеленная либо на дезинтеграцию Российской Федерации, либо на разжигание межэтнической розни, происходит рост низо-

1 Подробнее, с какими скрытыми репрессиями сталкиваются этнические активисты и их сторонники, а также обычные граждане, см. [Yusupova 2021a].

вых культурных инициатив, которые, являясь на первый взгляд аполитичными, ведут к усилению этнической идентификации все большего числа людей [Prina 2019; Yusupova 2021a; b].

Низовые инициативы и их эффект

Наиболее распространенные практики воспроизводства этничности сегодня — это сочетание инновационных и уже известных практик воспроизводства этничности в повседневности, связанных с культурной деятельностью молодого поколения этнических меньшинств в России. Инновационные практики связаны главным образом с возможностями, предоставляемыми цифровой эпохой, включая интернет-дискуссии на языках меньшинств в социальных сетях, производство фильмов и пьес, различных видеороликов: от этнической музыки до уроков языка на YouTube, а также создания субтитров на местных языках к голливудским блокбастерам. Общение на национальных языках в соцсетях, с одной стороны, оживляют язык, с другой — демонстрируют личную позицию говорящего, выражают ценность принадлежности к нации [Cohen 1996; Hearn 2007]. После отмены обязательного школьного образования на национальных языках культурная элита Татарстана стала всячески подчеркивать важность родного языка акциями в соцсетях и публичными заявлениями. Татарский хореограф Нурбек Батулла, выигравший в 2018 году премию «Золотая маска» за лучшую мужскую роль, посвятил свою речь на вручении премии татарскому языку (примечательно, что спектакль был посвящен татарскому алфавиту и назван по имени первой буквы — «Алиф»). Известный музыкант Оскар стал выкладывать в инстаграм-аккаунте отрывки своих песен с переводом используемых в них татарских слов с пометкой «учим татарский». Алфавит на местных языках помимо татарского, а также расхожие словечки стали успешно коммодифицироваться: дизайнеры и малые предприниматели стали использовать этническую символику и язык для стилизации и продвижения своих товаров [Yusupova 2021б, Баранова 2021].

Мы провели небольшой онлайн-опрос (n=180, возраст от 16 до 45 лет) среди подписчиков пары популярных блогеров, ведущих свои аккаунты билингвально: на русском и татарском, а также на татарском и английском языках. И хотя выборка не является репрезентативной (нам были интересны именно пользователи соцсетей, а не все население Татарстана), лонгитюдная методика опроса позволяет увидеть некоторые общие тенденции. Мы опрашивали людей в феврале 2018 года, т.е. во время эскалации языкового конфликта в Татарстане, когда низовые инициативы только появлялись, а публичное обсуждение этнических вопросов было активным, и в дека-

бре 2020 года, когда этническая публичная повестка заметно ослабла, а татароязычные инициативы между тем набрали популярность. Примерно половина респондентов отметили рост интереса к татарскому языку. В последующем вопросе они связали это с появившейся возможностью потреблять интересный контент именно на нем. Другая половина отмечает, что их интерес никак не изменился, так как изначально он был высоким. Более того, практически все участники исследования отметили, что стали лучше владеть языком, поскольку потребляют на нем больше цифрового контента. Механизм этого улучшения ярко описан одним из респондентов.

> *С каждым разом, как попадаешь к кому-либо на страницу, кто пишет или говорит на татарском, как маслом по сердцу. Так же шаг за шагом, сначала татарскую клавиатуру добавляешь на телефон, начинаешь поздравлять татар на татарском языке, выбирая правильные слова. После уже, медленно привыкая, стараешься общаться на татарском* [Аноним, женщина, 29 лет].

Любопытно, что благодаря увеличению присутствия татарского языка в цифровой среде люди стали более уверенно себя чувствовать лингвистически. Среди опрошенных нами пользователей социальных сетей нередки такие ответы на вопрос, как изменилась значимость родного языка в повседневной жизни: *«Разумеется, значимость гораздо повысилась, когда пришло понимание того, что я тоже способна вести беседу на татарском языке»*. Пришло осознание реального владения языком, которое до этого не рефлексировалось ввиду отсутствия коммуникационной среды. Эта тенденция ведет и к последующей рефлексии о других атрибутах этничности. Так, один из респондентов в ответе на этот же вопрос отметил: «*начал ценить важность культуры».*

Результаты опроса в динамике позволяют с известной долей осторожности утверждать, что новая цифровая повседневность способствует актуализации этнической самоидентификации даже у людей, которые лишь следят за татарскими активистами, но сами не являются культурными этнополитическими антрепренерами. Лонгитюдное исследование также показало, что с течением времени люди все чаще встречаются с татароязычным контентом, не прилагая к этому специальных усилий: число отметивших в декабре 2020-го, что контент на татарском попадается в ленте скорее случайно, увеличилось вдвое по сравнению с зимой 2017 года. Эти же тенденции подтверждаются и глубинными интервью с людьми, чья этническая идентичность на начало исследования (апрель–май 2017 года) вообще не была выражена. Например, один из участников исследования, слесарь по профессии, в мае 2017 года сообщал, что совсем не знает татарский. Он отмечал, что лишь благодаря остаткам школьных знаний ему иногда удается кое-как изъясняться на татарском с пожилыми клиентами, а татарская культура оце-

нивалась им как архаичная и неинтересная. Через три с половиной года, в декабре 2020 года, он уже оценивал свой татарский как «минимальный» и «достаточный», чтобы общаться с татароязычными клиентами, и, более того, отмечал знание татарского языка как необходимую (и имеющуюся у него) профессиональную компетенцию. При этом в декабре 2017 года, когда по национальным республикам проходили акции протестов против массовых увольнений учителей местных языков, а мы брали вторую волну интервью, он не был на стороне защитников обязательного преподавания татарского в школах, а рассматривал их как «пятую колонну», разжигающую межнациональную рознь. По прошествии трех лет одно из событий изменило его отношение к татарскому языку и вызвало интерес к современной татарской культуре.

> *На концерт я попал случайно [...] Он мне очень понравился, скажем так, услышав, удивился я. А то привык ко всему такому старому татарскому, а тут услышал все такое молодежное... Только на русском я обычно думал, только на русском языке такое может быть. Как любая знаменитость выступили! На татарском такое выдают!*
> Интервьюер: *Как ты думаешь, это вообще может привлечь интерес к татарскому языку?*
> Респондент: *Ну, я думаю, да. За счет того, что молодые люди, которые так замечательно поют, я думаю, многих это тоже заинтересует, и мне кажется, что люди интересуется музыкой и татарским языком, потому что сейчас мне интересно, что он так красиво поет* [мужчина, 28 лет, разнорабочий].

Конечно, концерты современной татарской рок-музыки проходили и до волны протестов 2017-2018-х годов. Однако опрос и серия интервью показывают, что после нее заметность актуальной татарской культурой выросла даже для тех, кто прежде не интересовался этнической культурой и языком. То же относится и к распространению татарского языка онлайн: появилось не только больше пабликов на татарском, но и некоторые городские паблики, например, стали вестись билингвально.

Политизация этничности на индивидуальном уровне

Что же происходит с теми, кто благодаря развитию низовых этнических инициатив в социальных сетях стал больше рефлексировать о собственном знании родного языка и этнической идентичности, переоценивать их важность для себя? Как правило, на данном этапе такие люди редко политизируются сразу, для этого необходимо время и много различных условий, самое важное из которых — нахождение в пусть на первый взгляд аполитичной, но этнизирован-

ной социальной среде. Однако наши интервью показали, что еще ранее запускается рефлексия по поводу политических вопросов: почему методика преподавания татарского в школах не эффективна? Отчего нет широкомасштабной популяризации современной татарской культуры? Насколько язык действительно нужен для продвижения по социальной лестнице за пределами административных структур? Все эти вопросы адресованы, скорее, региональным властям, нежели федеральным, что не делает их менее политизированными: повседневность этнизируется и политизируется одновременно.

Для людей творческих, а также тех, кто интересуется их творчеством, этнизация социального пространства особенно важна, и они чаще рефлексируют об ассимиляционной политике федерального центра. В их нарративах нет жалоб на несправедливое перераспределение ресурсов между центром и регионами, что является основной повесткой политических активистов, но есть рефлексия о структурных ограничениях продвижения и поддержания своей культуры и языка, таких как отсутствие высшего образования на татарском языке, затрудненность построения функциональных горизонтальных связей с этнополитическими и культурными антрепренерами из других национальных республик, ограниченность культурных институций, в рамках которых можно найти работу, а также проблема коррупции при распределении культурных грантов. Политические же активисты, как было показано выше, чаще всего выражают негодование по поводу невозможности выражать свою позицию публично, указывая на репрессивность законодательства, жесткую вертикаль власти и несправедливое перераспределение ресурсов между центром и регионами. Таким образом, политизация этничности на повседневном уровне проявляется в различные рода вопросах, которые люди начинают ставить, все чаще сталкиваясь с этнизированной средой или уже постоянно находясь в ней. Эти вопросы говорят об определенном недовольстве, которое по причине репрессивного контекста редко выходит на публичный уровень.

Выводы

Таким образом, анализ политизации этничности через внимание к национальной культуре в повседневности является плодотворным способом изучения политизации этничности в нелиберальных условиях, где на первый взгляд эта политизация кажется неуместной или невозможной из-за ограничительного законодательства. Мы показали на примере этнических татар в Татарстане, как появление низовых культурных этнических инициатив и распростра-

нение татарского языка в интернете в ответ на ассимиляционную политику центра способствует этнизации социального пространства, что в свою очередь приводит к интересу к этничности у обывателей. В результате люди начинаю рефлектировать о политических ограничениях распространения локальной культуры и языка.

Теория сложности утверждает: маленькие шаги могут привести к большим изменениям, из чего следует вывод, что постепенное изменение повседневности способно стимулировать развитие политической осознанности. Это наблюдение особенно актуально там, где существует явная граница между большинством и меньшинством. Внимание к повседневному культурному национализму, который на первый взгляд лишен политической составляющей, помогает исследовать изменения на повседневном уровне и показывает, как развитие культуры может привести к этнической политизации в нелиберальных условиях.

Библиография / References

Арутюнова Е. (2019) Языковой конфликт в разных измерениях: кейсы Татарстана и Башкортостана. *Социологический журнал*, 25 (1): 98-120.

— Arutyunova E. (2019) Language conflict in different dimensions: cases of Tatarstan and Bashkortostan. *Sociological journal,* 25 (1): 98-120. — in Russ.

Баранова В., Федорова К. (2020) Регулирование языкового ландшафта в российских городах: многоязычие и неравенство. *Журнал исследований социальной политики*, 18 (4): 625-640.

— Baranova V., Fedorova K. (2020) Regilation of language landscape in Russian cities: multilingualism and inequlity. *Journal of Social Policy Research,* 18 (4): 625-640. — in Russ.

Баранова В. (в печати) *Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России,* М.: ИД ВШЭ.

— Baranova V. (in press) *Language policy without politicians: language activism and minority languages in Russia*, Moscow: HSE.

Конституция Российской Федерации (2009) [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года]. Официальное издание, М.: Юридическая литература.

— *The Constitution of the Russian Federation* (2009): [adopted by popular vote on December 12, 1993]. The official publication, Moscow: The *Judicial Literature*. — in Russ.

Ларуэль М. (2016) *Оттенки национализма: Почему слово «русский» нельзя считать признаком этнонационализма*. Policy Memo / PONARS Eurasia. (http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/201601_Laruelle)

— Laruelle M. (2016*) Shades of nationalism: Why the word "Russian" can not be considered a sign of ethno-nationalism.* Policy Memo / PONARS Eurasia. (http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/201601_Laruelle). — in Russ.

Малахов В. (2020) От сообществ к пространству: исследуя изменения окружающей среды под влиянием миграций. *Журнал исследований социальной политики,* 18 (4): 561–576.

— Malakhov V. (2020) From communities to the space: exploring environmental change under the influence of migrations. *The Journal of Social Policy Studies* , 18 (4): 561-576. — in Russ.

Паин Э. (2012) От федерализма к цивилизационному национализму: дрейф этнополитической проблематики. *Казанский федералист,* 2: 29-42.

— Pain E. (2012) From Federalism to Civilizational Nationalism: the Drift of ethnopolitical issues. *Kazan Federalist*, 2: 29-42. — in Russ.

Сокирянская Е., Ходжаева Е. Соколов Д. (2019) *Доклад: Угасающий федерализм: Татарстан и Дагестан в условиях продолжающейся централизации*. Центр анализа и предотвращения конфликтов. (http://cap-center.org/ekaterina-sokiryanskaya-stala-soavtor/)

— Sokiryanskaya E., Hodzhaeva E. Sokolov D. (2019) *Report: Fading Federalism: Tatarstan and Dagestan in the context of continued centralization.* Center for Conflict Analysis and Prevention. (http://cap-center.org/ekaterina-sokiryanskaya-stala-soavtor/). — in Russ.

Bahry D. (2005) The New Federalism and the Paradoxes of Regional Sovereignty in Russia. *Comparative Politics,* 37 (2): 127-146.

Berezin M., Sandusky E., Davidson D. (2020) Culture in Politics and Politics in Culture Institutions, Practices, and Boundaries. T. Janoski, C. de Leon, J. Misra, I.W. Martin (eds) *The New Handbook of Political Sociology*, Cambridge: Cambridge University Press..

Billig M. (1995) *Banal Nationalism*, London: Sage Publications.

Bonikowski B. (2016) Nationalism in settled times. *Annual Review of Sociology*, 42 (1).

Brubaker R. (1996) *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.

Brubaker R. (2004) *Ethnicity Without Groups*, Cambrige, Massachusets; London: Harvard University Press.

Brubaker R. et al. (2006) *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvania Town*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Budka P. (2019) Cultural articulation, digital practices, and socio-political concepts. S.S. Yu, M.D. Matsaganis (eds) *Ethnic media in the digital age*, Routledge: 162-172.

Bunce V. (1999) *Subversive Institutions: The Design and Destruction of Socialism and the State*, Cambridge: Cambridge University Press.

Cohen A. (1996) Personal nationalism: a Scottish view of some rites, rights, and wrongs. *American Ethnologist*, 23 (4): 802–815.

Comaroff J.L., Comaroff J. (2009) *Ethnicity, Inc*, Chicago: University of Chicago Press.

Cormack M. (2007) The media and language maintenance. M. Cormack, N. Hourigan (eds) *Minority language media*, Clevedon, UK: Multilingual Matter.

Cormack M. (2013) Concluding remarks: towards an understanding of media impact on minority language use. E.G.H. Jones, E. Uribe-Jongbloed (eds) *Social Media and Minority Languages: Convergence and the Creative Industries*: 255–265.

Edensor T. (2002) *National Identity, Popular Culture and Everyday Life,* Oxford: Berg.

Fox J.E., Miller-Idriss C. (2008) Everyday nationhood. *Ethnicities*, 8 (4): 536–563.

Gerber T., Zavisca J. (2017) *Political and Social Attitudes of Russia's Muslims: Caliphate, Kadyrovism, or Kasha?* PONARS policy memo, No. 468. (https://www.ponarseurasia.org/memo/political-and-social-attitudes-russias-muslims-caliphate-kadyrovism-or-kasha)

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity,* Stanford: Stanford University Press.

Giuliano E. (2011) *Constructing Grievance: Ethnic Nationalism in Russia's Republics*, Ithaca; London: Cornell University Press.

Giuliano E., Gorenburg D. (2012) The unexpectedly underwhelming role of ethnicity in Russian politics, 1991–2011. *Demokratizatsiya*, 20 (2): 175–188.

Goode P. (2019) Russia's Ministry of Ambivalence: The Failure of Civic Nation-Building in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs,* 35 (2): 140–160.

Goode P. (2011) *The Decline of Regionalism in Putin's Russia*, Routledge: Boundary Issues.

Goode P.,Stroup D. (2015) Everyday nationalism: constructivism for the masses. Soc. Sci. Q. *Special Issue: New Frontiers in the Comparative Study of Ethnic Politics and Nationalism*, 96 (3): 717–739.

Gorenburg D. (2003) *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*, New York: Cambridge University Press.

Hagendoorn L., Poppe E., Minescu A. (2008) Support for separatism in ethnic republics of the Russian federation. *Europe — Asia Studies*, 60 (3): 353-373.

Hearn J. (2007) National identity: banal, personal & embedded. *Nations and Nationalism,* 13 (4): 657–674.

Hutchinson J. (2013) Cultural nationalism. J. Breuilly (ed.) *The Oxford Handbook of the History of Nationalism*, Oxford, UK: Oxford University Press: 75–96.

Jones E.H.G., Uribe-Jongbloed E. (eds) (2013) *Social Media and Minority Languages: Convergence and the Creative Industries*, Bristol: Multilingual Matters.

Knuckey J., Kim M. (2015) Racial resentment, old-fashioned racism, and the vote choice of southern and nonsouthern whites in the 2012 U.S. presidential election. *Social Science Quarterly*, 96: 905–922.

Kolstø P. (2016) The ethnification of Russian nationalism. P. Kolstø (ed.) *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*, Edinburgh University Press: 18-45.

Laitin D. (2007) *Nations, States and Violence,* Oxford: Oxford University Press.

Moses J.C. (2010) Russian local politics in the Putin-Medvedev era. *Europe — Asia Studies*, 6 (9): 1427–1452.

Myhre M. (2017) The State Program for Voluntary Resettlement of Compatriots: Ideals of Citizenship, Membership, and Statehood in the Russian Federation. *Russian Review*, 76 (4): 690–712.

Prina F. (2019) Constructing ethnic diversity as a security threat: what it means to Russia's minorities. *International Journal on Minority and Group Rights*, 28(1): 1-35.

Roeder P. (1991) Soviet federalism and ethnic mobilization. *World Politics*, 43 (20: 196–232.

Rutland P. (2010) Ethnicity policy in Russia. J. Newton, W. Tompson (eds) *Institutions, Ideas and Leadership in Post-Soviet Russia,* Palgrave Macmillan, ch. 6: 116–136.

Sabanadze N. (2010) *Globalization and Nationalism: the Cases of Georgia and the Basque Country*, Central European University Press.

Sharafutdinova G. (2013) Gestalt switch in Russian federalism: the decline in regional power under Putin. *Comparative Politics*, 45 (3): 357–376.

Smith A. (2010) *Nationalism: Theory, Ideology, History,* Cambridge: Polity.

Swank D., Betz H.-G. (2003) Globalization, the welfare state, and right-wing populism in Western Europe. *Socio-economic review,*., 1: 215–245.

Treisman D.S. (1997) Russia's 'Ethnic Revival': the separatist activism of regional leaders in a postcommunist order. *World Politics,* 49 (2): 212–249.

Xie P.F. (2010) *Authenticating Ethnic Tourism*, Clevedon, UK: Channel View Publishing.

Yusupova G. (2018) Cultural nationalism and everyday resistance in an illiberal nationalising state: ethnic minority nationalism in Russia. *Nations and Nationalism*, 24 (3): 624-647.

Yusupova G. (2019) Exploring Sensitive Topics in an Authoritarian Context: An Insider Perspective. *Social Science Quarterly*, 100 (4): 1459-1478.

Yusupova G. (2021a) How does the politics of fear in Russia work? The case of social mobilization in support for minority languages. *Europe — Asia Studies*, online first.

Yusupova G. (2021b) The Promotion of Minority Languages in Russia's Ethnic Republics: Social Media and Grassroots Activities *(in press).*

Zamyatin K. (2016) Russian political regime change and strategies of diversity management: from a multinational federation towards a nation-state. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 15 (1): 19–49.

Рекомендация для цитирования:

Юсупова Г.Н., Осипова К.А. (2021) Культурные этнические инициативы и (де) политизация этничности в России. *Социология власти*, 33 (2): 147-167.

For citations:

Yusupova G.N., Ozerova K.A. (2021) Cultural Ethnic Initiatives and the (De)Politicization of Ethnicity in Russia. *Sociology of Power*, 33 (2): 147-167.

Поступила в редакцию: 12.05.2021; принята в печать: 28.05.2021

Received: 12.05.2021; Accepted for publication: 28.05.2021